

Философия жизни

Алиса Кеттерли

24.07.2020

Согласно Бобу Блэку, всё что мы делаем, не является игрой, но работой, которая роднит фабрику, государство, СМИ и всё, что нас окружает. Мы как бы потребляем, что не совсем нравится нам, взамен делая не то, что должно приносить удовольствие, дисциплинируя свободную волю.

Термин «дисциплинизация свободной воли» я ввёл неслучайно. Понятие воли, подчеркивает Шопенгауэр, — единственное из всех возможных «имеет свой источник не в явлении, не в созерцательном представлении, а исходит из внутренней глубины, из непосредственного сознания каждого; в нем каждый познает собственную индивидуальность в ее сущности, непосредственно, без какой-либо формы, даже формы субъекта и объекта, так как здесь познающее и познанное совпадают». «Дисциплина — это все проявления тоталитарного контроля на рабочем месте: постоянное наблюдение, рабочие часы, навязанный темп работы, нормы выработки, наказания за опоздания, и т.д., и т.п.» - говорит Боб Блэк, - «Послушание, намертво вбитое в людей на работе, выплескивается в семьи, которые они сами создают, воспроизводя таким образом систему дополнительным путем, а также в политику, культуру и все остальное. Лиши людей на работе жизненной силы — они и во всем остальном будут подчиняться иерархии и чужим мнениям. Им так привычнее.

Таким образом, теряется смысл индивидуальности, исходящей из себя. И постепенно «свободная воля» - «дисциплинируется». Очень примечательно, что свободная воля во времена Аристотеля или Шопенгауэра не равна той, о которой можно говорить сейчас: понятие «воли» постепенно меняется, приспосабливаясь к среде и делая её неизменной частичкой жизни каждого.

Только представьте себе: если в каменном веке нечего было и говорить про законы, религию, нравы, порядки, то постепенно пришли к моменту, когда недостаточно «быть» - нужно Им «стать». Такое превращение идёт, но никогда не заканчивается, ведь где-то в глубине всё ещё сидит та неуязвимая воля, которая так или иначе ставит под сомнение «должность».

Я выделяю три неразрывно связанных между собой вещи:

- бытие; - должное; - статность.

Последнее отличается от превращения тем, что, будучи «быть», как исторический этап эволюции (взросления) человека, он проходит через «должное», будто

гусеница в коконе, которая перевоплощается в бабочку – «статность»: статичность, неизменность, из я – в большое «Я». А потом умирает, как свойственно всем сущим во Вселенной, соединяясь с нирваной.

Человек и правда «был»: его свободное бытие можно заметить на страницах истории – своеобразного дневника, который записывают вот уже какую тысячу лет. Бытие можно определить по критерию неагрессии в обществе, пока Некто не начинает двигать вас в Ничто, полагаясь на Должное – сущее само в себе, в отличие от Бытия и Статности. Иначе говоря, как сосед уживается с другими соседями по дому, не переходя рамки «общественно приемлемого», так и Бытие не переходит в Должное до тех пор, пока Некто не начинает переосмысливать мир, в котором он живёт.

Бодрийяр писал: «Я нигилист. Я констатирую, я соглашаюсь, я принимаю тотальный процесс разрушения очевидного (и соблазна очевидности) в пользу смысла (репрезентации, истории, критики и т.д.), разрушения, являющегося основополагающим фактом XIX века. Истинная революция XIX века, революция модерна, заключается в радикальном разрушении очевидного, в разволшебствовании его и погружении в насилие интерпретации и истории». Сумбурно традиционный взгляд Хайдеггера и Достоевского разительно отличается от постструктуралистов, переживших коллапс нигилистической революции, в котором Должное обрело сущее и стало переинтерпритироваться в состояние Статичности.

Теперь мы не можем делать, что захотим, а должны «доказать» себя, переходя в процесс перевоплощения Личности в Сверхчеловека: любое мнение теперь надо доказывать, ссылаясь на научные данные, опыт других людей или «законные» акты. Никто не поверит, что ты Личность, пока в тебе сидит маленькое, но Бытие, и пока ты не сможешь диктовать себе, отрицая свой внутренний индивидуализм (свободную волю). Теперь успешный не значит счастливый или беззаботный, а означает «перешедший детский уровень развития во взрослый; переборовший свои привычки; сделавший карьеру и родивший детей в той же схеме, о которой говорил Боб Блэк, чтобы потом умереть».

Я назвал своё эссе «Философией жизни», потому что я хочу противопоставить себя философии смерти – Ничто в контексте нигилизма, сделать жизнь осмысленной, не отменив концепцию Ницше и всей грядущей за ней экзистенциальной философии, а переосмыслив её.

Смерть вездусуща: она тихо подкрадывается к нам, когда кто-то просит «вести себя прилично» или «говорить правильно» (или даже вести «правильный» образ жизни). Не смерть настоящая, но смерть Личности превозносит её до небес – Сверхчеловека, неспособного в саморефлексию и эмоции. Каждая такая выходка «коллективного сознания» способствует рождению на свет сверхкачеств, ненавистному свободной воли человека. Всё это лишь производно от исторической данности – агрессивной природе человека навязывать свои убеждения другим и побеждать слабых своими сильными качествами, данными от генетики, которую способно изменить только социокультурной революцией, ставшая быть в замену смерти – Жизнью Личности человека.

Стало быть, эмоции человека, определяющие его настрой и возносящие всё самое искреннее, не всегда связанное с рациональностью, которые по природе своей

неотделимы от Бытия, могут умереть, если человечество захочет перейти на уровень животного или насекомого, которые, впрочем, не обладают эмпатией к окружающему миру, а выполняют «генетически заданную роль»: производительную, прибыльно выгодную и эффективную (с точки зрения социальной иерархии), в которой причина и следствие не являются (по Юму) абстрактными моделями, а выполняют непосредственную роль, предзаданную и неизменную – смертную, ненастоящую, в противоположность уникальности и индивидуальности человека, переходящему в Статность.

Должное как бы нащёптывает нам: «будь как все, не выделяйся». Отменяется единение человека с природой, индивидуальные начала в противовес коллективным. Человек (любой; вид человека) превращается в манипулятивную куклу, которой можно управлять через нейронные связи единого компьютера: мы идём к моменту, когда враг Личности и агрессор объявит эффективность и выгоду – надлежащим способом существования, но не Бытия человека. Когда произойдёт подмена понятий: выгода будет неотделима от общей выгоды, неотделимой от работы, о которой так жёстко высказался Боб Блэк. Убрав эмоции и вживив в человека микрочипы, способные изменять абстрактные модели причины и следствия в синонимы и суть происходящего, в Ничто, человек обратится в робота, и вопросы сведутся к тому, что выбирать: дремучее прошлое или «прогрессивное» настоящее?

Ведь мы никогда не задумывались что будто по звонку будем осуществлять свои интересы во вред же им, но за размытую «потребительскую выгоду», а значит всё идёт ко всё большей информатизации сознания и его управлением, которое приведёт разве что к смерти человечества в буквальном и переносном смысле.

Меланхолия, вызванная нигилистическими тенденциями, о которой упоминает Бодийяр, тесно связана с неспособностью человека стать творческой Личностью, ведущий дух которого – коллективизм, но не «игровой», не искренний, а детерминированный, пустой, ненастоящий.

С самого раннего детства нас помещают в одежду, «чтобы мы не замёрзли», в дом, «чтобы обезопасить себя от других», в семью, «чтобы сохранить ценности нашей культуры», в партии, «чтобы сохранить идеологический дух», в государства, «чтобы сохранить общенациональные интересы», в международное сообщество, «чтобы национальные интересы не противоречили интересам остальных наций», в человека, воплощённого идеей сверхкачеств. Мы не выбирали ни наш ограниченный разум, ни наш кругозор, финансовое состояние, дом, территорию – ничего. И мы вынуждены страдать большую часть времени с людьми, которых не знаем и которые друг другу чужды, потому что помещены в коллектив, будучи атомизированными и «социализированными».

Антиподом является социокультурная революция. В противовес Карлу Ясперсу о творческих потенциалах человека я представляю область осознанного в человеке потенциала в противовес неосознанному, что приводит к творчеству и раскрытию себя. Я представляю осознанную жизнь – искреннюю и беспристрастную, свободную от норм и рамок. Каждое проявление смысла во временном промежутке оставляет радость в оставленных мгновениях и не доставляет человека задумываться о недобросовестности, страхе и подобных вещах.

Как часто мы задумываемся о текучести времени, что оно пройдено зря? Чем ближе к своему концу и пониманию, что «ресурс исчерпан», начинаются «самокопания»: какой смысл мне был предначертан и что же теперь делать? Меланхоличное прошлое не даёт о себе забыть. В противовес этому можно и нужно восстанавливать потенциал в природе и гармоничности существования человека: чтобы жизнь была осмысленной и осознанной ($A = A = A$), нужно посвящать любой временной промежуток самыми экстремальными и волнительными ощущениями в своей жизни, которая бы включала:

- неагрессию; - добровольность; - позитивные действия.

Любое позитивное действие является олицетворением Сизифа, который скатывает свой камень со скалы и несёт потом обратно, преодолевая боль – в качестве противовеса смысла о том, что жизнь познаётся в смерти или предсмертном страхе, что свобода ощущается в таких шатких шоковых состояниях, способных растормозить человека.

Я предлагаю уходить в мечтательный мир детства, когда работа и тяжкий труд отношений не носил коллективистскую форму, а рассчитывал на свободное воплощение человека в форме Бытия. Выделяя основную экзистенциальную свободу, которая бы противостояла «системе», я выделил несколько моментов, с которыми необходимо бороться в себе и выявлять идеалы внутри себя:

- сверхкачества (против низких нужд человека и примитивной беззаботной жизни, к которой нас призывал Эмиль Арман)
- страх (против смелости к действию)
- самообман (против искренности к себе)
- агрессивность (против ненасильственного общения и открытой культуры)
- необъективный язык общения (против процессинга и искренности ко многим)
- понятия или термины (которые закрепощают и стигматизируют человека, оставляя его в поле «текста», как, например, «друзья», призванные всегда помогать друг другу или «Бог», призванный руководить над всем сущим)
- временные рамки (против вневременного счастья: загоняя в рамки времени, человек начинает думать о нём, отдавая своим размышлениям и действиям после размышления фактор «полезности»; если работа отдаёт всю свою сущность эффективности, производительности и выгоде, то «полезность» в контексте размышления о времени должна быть уничтожена и восстановлена полная вдохновенность Бытия – игра и прокрастинация, о которых говорит Боб Блэк)
- причинно-следственная связь (абстрактная рамка которого не даёт человеку выйти за пределы реальности в мир розовых пони)

Труд человека субъективен и выявленные рамки метамодернистского феномена могут быть расплывчаты для остальных домодерных эпох, поэтому важной чертой является изучение социальной иерархии и методами борьбы через социокультурную революцию, отчуждая себя от всего неосознанного в области Жизненного пространства без времени и начал.

Время глупо определяется как конечный ресурс, потому что после смерти человек не замечает, что его потерял, а значит всё это вечное время он жил и оставался жить в этом временном промежутке. Но даже после смерти человека, а скорее, после рождения нового – появляется чистое сознание, подобное другим людям, неразрывно

связанное с телом человека. После «записи» определённой информации на сознание происходит осмысление человеческой деятельности и начинается Бытие. Таким образом, рождение сознания указывает не на реинкарнацию, а на необыкновенно шаткой конструкции смерти. Сознание не может существовать вне человека, но оно как-то появляется и само в себе осознаётся. Нирвана, о которой писал Шопенгауэр – это не только способность потерять волю, осознав свою бессмысленность существования, но и рождение новой осмысленности, как если бы компьютер фирмы Asus с теми же заданными характеристиками купил бы другой человек и настроил по своим правилам.

Бытие сегодня не равно тому, что было когда-то давно. Следовательно, все нормы нашей морали должны быть изувечены, и тем самым возвращены к старым, более древним формам, что не является концом, а всего лишь путём борьбы с общественной иерархией.

Люди очень зациклены на смерти и конечности своих стараний. Я лишь предлагаю найти себя и освободиться от оков экзистенциальной Смерти!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм



Алиса Кеттерли
Философия жизни
24.07.2020

vk.com
proza.ru и proza.ru

ru.anarchistlibraries.net